„Советское кино" 15 марта 1969 г.

ОТ МЫСЛИ — К СЕРДЦУ

Борис Ливанов в роли Седова.

БЫЛО ВРЕМЯ, когда на экране долго и много говорили. Слова порой заменяли действие, объясняли то, что следовало бы показывать.

Со временем страх перед многословием привел к другой крайности — герои стали объясняться междометиями, а всевозможные рассветы, березки, мокрые асфальты и натянутые провода помогали раскрыть их несложный эмоциональный мир.

В результате экран, давно озвученный, почувствовал острую потребность заговорить. И заговорил — на разные темы, с разной степенью интеллекта, но с одинаковой степенью риска — смотреть будут любое кино. А слушать?..

Наверное, молодой режиссер Илья Авербах (он же автор сценария) хорошо это понимал. Наверное, было бы легче начать с «верняка» (фильм «Степень риска», снятый на студии «Ленфильм», его первенец), с какой-нибудь подвижной, остросюжетной ленты.

Но он решил снимать фильм откровенно разговорный. Он задумал спроектировать на экран мысль. Сам в прошлом врач, хорошо понимающий и чувствующий медицинскую фактуру, он нашел в себе силы не злоупотреблять послушным ему материалом, не кокетничать доступной ему достоверностью. Все это есть — и похожая больница, и полосатые тени больных, и рабочие лица врачей, и скучающие молоденьких сестер... И тоска ожидания родных, и производственная дисциплина операционных... Спокойно, даже подчеркнуто буднично, без смакования эффектных подробностей показывает Авербах трудовую жизнь клиники, в которой, по сути дела, врачи творят чудеса. Но в том-то и смысл этого чуда, что оно совершается не по волшебству, а в каждодневной, выматывающей силы и чувства работе. И задача фильма не в том, чтобы поразить зрителя виртуозной операцией, а в том, чтобы показать, как трудно сохранить силы и душу для каждой последующей. В том-то и смысл этого чуда, что, обновляя сердца больных, врачи обязаны сохранить в целости свое, не притупить его реакцию, его обостренную способность любить.

О том, как делают сегодня операции на сердце, достаточно много пишут в газетах, журналах; показывают в хронике. Фильм «Степень риска», снятый по мотивам повести профессора Амосова «Мысли и сердце», вроде бы на ту же тему. Но сверхзадача у него другая — не как, а кто.

... Старый доктор Седов — известный хирург, прославленные во всем мире «золотые руки» — такие на экране уже были. Немного деспоты, немного дети. «Железные» в деле, беспомощные в жизни. Суровые с виду, сердечные, даже добродушные, если копнуть поглубже. Их боятся, но их и любят. Над ними подтрунивают, но их и боготворят... Вроде бы ничего нового. И как ни прекрасен Ливанов, как ни стерильно точен он в каждом своем жесте, даже в том, как моет руки перед операцией, берет инструменты, щупает пульс, кричит на врачей, молчит в усталом одиночестве, — это все равно был бы еще один старый доктор «золотые руки», если бы... Если бы вместе с режиссером он не одарил своего доктора Седова напряженной мыслью. Если бы не побоялся обнажить ее сомнения, неутолимую жажду истины.

Для таких людей, как Седов, выжить — значит дать жизнь другим. Обогатить их тем, чем богат сам.

Он сам мучительно ищет правду, ищет силы, чтобы не растеряться, не спасовать, как сам говорит, перед ограниченностью своего опыта. И не боится признаться в этом в те редкие минуты, когда человек бывает с глазу на глаз с самим собой. В фильме звучат внутренние монологи героя. И эти монологи, не разбавленные видениями, не наложенные на музыку, пожалуй, самые выразительные кадры фильма. Ни операция на сердце, которая сама по себе уже трагический сюжет, ни отчаяние родных, ни здоровые, на первый взгляд, лица обреченных людей не производят в картине такого сильного впечатления, как глухой голос мудрого старца, открывающего перед нами сокровенные тайны своих тревожных мыслей.

Проигрыш бывает как раз тогда, когда что-то происходит. Вот там иногда появляется ощущение затянутости, некоторой статичности, неповоротливости камеры.

В фильме есть рефрен, с детства знакомые слова: «Пока я мыслю, я существую». Слова эти — ключ ко всему происходящему на экране. По мнению создателей фильма, мысль как бы включает сердце, заставляет его биться по камертону высшей чуткости. Сердце может улавливать ложь, фальшь, глупость... Мысль — противодействовать, настраивать человеческую личность на абсолютную нравственную чистоту. Так живет доктор Седов, так он хочет жить и мучается, когда у него это не получается. За себя и за других. За Сашу Кириллова, умницу, талантливого математика, который болен не только сердцем, но и каким-то разъедающим душу скепсисом. Всю свою жизнь он ставит эксперименты и смотрит, что из них получится. Семья, любовь, друзья — были лишь материалом для его опытов. Он ставил их один за другим и при этом проиграл главный — самую жизнь. И доктор Седов прекрасно понимает, что успех операции — это не только возвращение Саше сердца, но и возвращение его к людям.

А как осторожно, как неожиданно мягко прикасается суровый доктор к наболевшей душе жены Саши — Жени. Мысль, как руки хирурга, ищет в чужом, замкнутом мире другую живую мысль, которую еще можно спасти и заставить работать на жизнь. И он находит. Ум Жени отзывается на чуткое прикосновение ума и сердца доктора.

И. Смоктуновскому и А. Демидовой вроде бы нечего делать в фильме. Им не дали выяснить отношения, попрощаться до операции, встретиться после. Их не вернули в прошлое, не заставили снова пережить медовый месяц, первые ссоры и первые примирения. Единственное, что им разрешили, — говорить. Говорить в самые трудные минуты жизни героев, перед возможным для одного из них трагическим концом.

В этом фильме герои учатся разговаривать друг с другом, а мы — слушать. Разговаривать так, чтобы слово не повисало в воздухе, не лопалось на полдороге, как мыльный пузырь, а пробиралось сквозь нервы к мозгу. Будоражило его, держало, что называется, в полной боевой готовности. Только такая, освоенная разумом мысль может найти дорогу к сердцу.

— Помни о подкорке, это ведь она регулирует все наше хозяйство, — говорит доктор Седов после операции Саше.

Мы не знаем, выжил ли он. Не хотим знать. А в ответ слышим неумолимое, жестокое: «Не умрет сегодня Саша, не умрет...».

Сегодня? А завтра? А через год? Да, сердце может остановиться. Но никогда не остановится человеческая мысль. Во славу мысли и этот фильм.

Алла ГЕРБЕР.